

О СОВЕСТИ

Иван Алексеевич Ильин "Почему мы верим в Россию"

Но что же такое представляет из себя акт совести? Как осуществить его? Как он переживается? К чему зовет он? О чем он вещает?

Прежде чем ответить на эти вопросы, мы должны отказаться от того, что обычно понимают под совестью; ибо то, что современные люди представляют себе, говоря о совести, есть нечто искаженное и несоответственное, как бы духовные развалины.

Так, когда современные люди говорят о совести, то они слишком часто имеют в виду *не силу положительного зова*, но лишь так называемые *«укоры совести»*, т. е. собственно говоря, только негативные остатки ее, *болезненный протест вытесненного и не состоявшегося совестного акта*. Человек испытывает только то своеобразное «неодобрение», которое обнаруживается лишь после совершения дурного поступка или осуществления дурного состояния. Это «неодобрение» выражается иногда в каком-то легком и отдаленном «недовольстве собою», а иногда обостряется до мучительного, невыносимого отвращения к своему поступку и к самому себе. Тогда человек переживает некий внутренний разлад, наполняющий душу унынием", тоскою и растерянностью; этот разлад раскалывает душу, повергает ее в состояние раскола и слабости, мешает жить и радоваться; и укоры, встающие невольно со дна души, бывают подчас настолько болезненны, что человек начинает думать об одном — как бы ему спастись от этих гложущих упреков и от этого внутреннего раскола. И не зная, как спастись от них, он переносит свое отвращение и ненависть на самую совесть...

Совесть не есть какое-то сверхдолжное и недоступное обыкновенному человеку дело «праведника» или «отшельника», ненужное рядовому человеку и бесполезное для верхнего, ведущего социального слоя. Напротив, *совесть нужна каждому человеку*, и не только в великие, поворотные моменты его жизни, но и в ежедневных делах и в обыденных отношениях; и то, что совсем не тронуто ее лучом, — оказывается не только недоброкачественным в смысле духовной

ценности, но и *жизненно не прочным*, не крепким, в высшей степени подверженным распаду и в личной, и в общественной жизни.

Совесть есть живая и цельная воля к совершенному; поэтому там, где отмирает эта воля, *качественность* становится безразличной для человека и начинает уходить из жизни; все начинает делаться «недобросовестно», все снижается, обесценивается, становится никому не нужным: от научного исследования до фабричного продукта, от преподавания в школе до ухода за скотом, от канцелярии чиновника до уборки улиц.

Совесть есть первый и глубочайший источник чувства ответственности; поэтому там, где это чувство угасает, — воцаряется всеобщее безразличие к результату труда и творчества; что же могут создать безответственный судья, политик, врач, офицер, инженер, кондуктор и пахарь?

Совесть есть основной акт внутреннего самоосвобождения; поэтому там, где акт исчезает из жизни, внешняя свобода теряет свой смысл, а политическая свобода начинает извращаться, человек теряет доступ к *свободной лояльности*, и ему остается только две возможности в жизни:

- или повиноваться законам из корысти и страха, уподобляясь лукавому и неверному рабу,

- или не повиноваться законам, всячески изощряясь в безнаказанном правонарушении и уподобляясь непойманному преступнику.

Совесть есть живой и могущественный источник справедливости; поэтому там, где ее лучи уходят из жизни, человек теряет как бы душевный орган для справедливости и вкус к ней; во что же превратится жизнь в обществе, где этот орган и этот вкус атрофированы? что за суд сложится в этой стране? что за чиновничество? что за торговля? какую жизнь поведет богатый слой общества? какая эксплуатация низших классов водворится в этой стране? какое справедливое негодование начнет накапливаться в низах? какая революционная опасность повиснет над государством?

Наконец, во всяком жизненном деле, где *личное своекорыстие* сталкивается с *интересом дела, службы, предмета*, — *совесть* является *главною силою, побуждающею человека к предмету*

ному поведению; поэтому там, где совесть вытравляется из жизни, — ослабевает чувство *долга*, расшатывается *дисциплина*, гаснет чувство *верности*, исчезает из жизни начало *служения*; повсюду воцаряется продажность, взяточничество, измена и дезертирство; все превращается в бесстыдное торжище, и жизнь становится невозможной...

Вот почему я утверждаю, что совесть есть не только источник праведности и святости, но и *живая основа элементарно упорядоченной или тем более расцветающей культурной жизни*. Совесть есть то светящееся лоно, из которого исходят, пронизывая всю жизнь, лучи качества, ответственности, свободы, справедливости, предметности, честности и взаимного доверия. И если бы однажды злему духу в ночи удалось погасить в душах спящих людей все лучи совести, хотя бы на сравнительно короткое время, то на земле воцарился бы такой ад, о котором самые злые сновидения не могли бы дать нам верного представления.

Отход современного человека от христианской совести чреват величайшими опасностями и бедами. Этот отход будет продолжаться до тех пор, пока не наступит возвращение. Человечеству придется опять пробивать себе дорогу к акту христианской совести. Но сначала оно должно будет заметить эту утрату и постигнуть ее роковое значение, а для этого ему, быть может, придется пережить крушение всего современного строя... Может быть, искра христианской совести возродится только в окончательно сгустившихся сумерках безбожия и распада... Мы не должны считаться с этой перспективой как с *неизбежной*; напротив, надо сделать все, чтобы предотвратить трагическое крушение нашей духовной культуры. И чем скорее и глубже человечество постигнет природу переживаемого им духовного кризиса, чем яснее оно поймет, что без совести на земле невозможна ни культура, ни жизнь, — тем более бед и страданий будет предотвращено...